

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ СВЯТОЧНО-Рождественских рассказов М. Горького

Д. В. Сердюк

Ключевые слова: М. Горький, святочный рассказ, календарная литература, жанровый канон, интертекст, пародия

Keywords: M. Gorky, Christmas short story, calendar literature, genre canon, intertext, parody

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-07)

Введение

«Клишированность» жанра святочного рассказа в русской литературе была подмечена многими исследователями, так же как и его провокативная сущность, вызывающая у многих писателей желание пародировать традиционные сюжеты. Одним из таких авторов стал и Максим Горький. Речь идет о трех его святочно-рождественских рассказах, опубликованных в нижегородской и самарской периодике 1890-х гг.: «О мальчике и девочке, которые не замерзли» (1894), «Извозчик» (1895) и «В сочельник» (1899). Обратимся к данным произведениям автора, чтобы на примере их интертекстуальной связи проследить деформацию канона святочного жанра.

Методы и материалы исследования

В данной статье используется комплексный метод литературного анализа, который позволяет глубже понять интертекстуальную связь святочно-рождественских рассказов Максима Горького с трансформацией традиции жанра. Анализ каждого произведения включает элементы сравнительно-исторического и жанрового подхода, что дает возможность выявить характерные черты святочного жанра, а также проследить изменения, внесенные Горьким в праздничный рассказ. Кроме того, применяется также метод интертекста, который помогает проследить, как писатель, взаимодействуя с классическими текстами русской литературы, вводит чуждые жанру элементы пародии и критики.

В качестве материала для исследования выбраны три произведения автора, опубликованные в 1890-х гг.: «О мальчике и девочке, которые не замерзли» (1894), «Извозчик» (1895) и «В сочельник» (1899). Так же важной частью анализа стали научные статьи следующих авторов:

А. Вдовин «Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и социология популярного литературного сюжета» [2023], Е. В. Душечкина «Русский святочный рассказ» [2023], А. В. Гик «Святочный рассказ как палимпсест (Горький, Кузмин и Достоевский)» [2022], О. С. Сухих и В. Н. Плющ «Святочный рассказ в художественном осмыслиении Ф. М. Достоевского („Мальчик у Христа на елке“) и М. Горького („О мальчике и девочке, которые не замерзли“)¹.

Результаты исследования и обсуждение

При беглом взгляде на первый святочный текст Горького видно, что пародийный аспект заявлен самим писателем уже в «заглавии-перевертыше», а также в изначальной авторской полемической экспозиции: «*В святочных рассказах издавна принято замораживать ежегодно по несколько бедных мальчиков и девочек*» (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894), «я знаю, что они, авторы, замораживают бедных детей для того, чтобы напомнить о их существовании богатым детям, но лично я не решусь заморозить ни одного бедного мальчика или девочки, даже и для такой вполне почтенной цели...».

Сначала остановимся на первом и последнем текстах Горького. Главными героями двух праздничных рассказов становятся жулики. Если Мишка и Катюка из рассказа «О мальчике и девочке, которые не замерзли» являются беспризорниками и пока только учатся воровским хитростям, то безымянный герой рассказа «В сочельник» вместе со своим компаньоном Яшкой уже полностью погружены в бурный поток преступной жизни. Во внешнем облике обеих пар геров Горький подчеркивает их «маленькость» и «худобу». Мальчик и девочка описываются так: «маленькие фигуруки», «подкатились два маленькие комка лохмотьев», «сунул ее в одну из протянутых к нему маленьких и очень грязных рук», «Лицо у него было худое» (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894); про безымянного героя и Яшку автор пишет (Максим Горький. «В сочельник». 1899): «Изредка вкусно поесть — большое удовольствие для маленьких людей», «наши чахлые фигуры», «Был этот человек тонок». Мишка и Яшка отличаются сноровкой, находчивостью и умелостью, в то время как Катюка и безымянnyй герой занимают роль менее мастеровитых напарников.

Герои обеих историй занимаются попрошайничеством. Но проосьбы о милостыне делятся недолго. Зоркий Мишка замечает полицейского и сразу же оповещает об этом подругу: «Катюшка, беги!!!» («О мальчи-

¹ См. также: [Зименкова 2015; Калениченко, 2002; Напцок, Меретукова, 2017; Пузырева, 2018] и др.

ке и девочке, которые не замерзли». 1894). Яшка, явно опасаясь возможно скорого появления представителей правопорядка, просит товарища поторопиться: «*Айда, айда скорее!..*» («В сочельник». 1899). В данной ситуации есть еще одна параллель: более «матерый» подельник оказывается успешнее в проделанной работе. Мишка ловко обманывал Катьку, приуменьшая собранную ими сумму. Яшка, пользуясь эзоповым языком, сообщает, что великолепная барыня «подарила» ему деньги, кошельк и даже своей платок.

Мальчик и девочка направляются в кабак, а другая пара героев держит путь в лавку. В схожих формулировках они бранят хозяев своего жилья: «*Виши сколько! Черта ей еще надо, ведьме?*» («О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894), — говорит сам с собой Мишка; «*За квартиру заплатим... Получи, ведьма!*» («В сочельник». 1899) — жалуется на хозяйку Яшка.

Дети завершают свой святочный вечер за ужином в теплом кабаке. Взрослые жулики, аккуратно припрятав «коробку мармелада, бутылку прованского масла и две больших вареных колбасы» (Там же), покидают лавку. Когда герои вышли на пустынные глухие улицы, им подвернулась очередная удача — некий пьяный одетый в шубу мужчина шел впереди них. Главный герой рассказа «В сочельник», от лица которого и ведется повествование, дает небольшое пояснение, почему именно этот наряд является наиболее предпочтительным для лиц его профессии — у шубы отсутствуют пуговицы, а значит, и насилию снять ее с человека проще, чем любую другую зимнюю одежду. Интересно, что у мальчика и девочки тоже есть свои соображения относительно данного предмета. Когда просишь милостыню, важно обращать внимание на то, во что одет человек. Если прохожий не имеет теплого пальто, то и шансов на хорошую сумму немного, если же пальто теплое — шансы увеличиваются, но если проплывшая мимо фигура укутана в шубу, то это лучший из всех возможных вариантов.

В соответствии с законами жанра святочного рассказа, счастливые случайности преследуют героев. Мишка и Катька находят своего «батюшку-барина», и тот, с легкостью распахнув необремененные пуговицами полы своей шубы, вынимает для настырных попрошайек двугривенный. Яшке и безымянному герою не так повезло. Человек в шубе оказывается «широкоплечий, росту немалого» («В сочельник». 1899) и, несмотря на пьяное состояние, вовремя замечает крадущихся позади негодяев.

Вкрапление интертекстуальных связей с произведениями других авторов начинается с эпизода неудачной попытки ограбления. Нельзя не заметить в нем намеренную aberrацию сюжета гоголевской «Шине-

ли». Горький в свойственной для него манере переворачивает классическую историю с ног на голову. На месте маленького человека оказывается не низенький титулярный советник, а высокий и широкогрудый податной инспектор, и на плечах у него не шинель, а шуба. Таким образом, данная ситуация является своеобразным спором с классиком, у которого в finale повести имеющее «богатырскую наружность» (Николай Гоголь. Шинель. 2009. С. 144) значительное лицо лишается своей шинели быстрее и проще самого Башмачкина. Если мы еще раз взглянем на семантику одежды, имея в виду указанные только что сюжетные перестановки, то станет очевидным, что шинель, застегнутая на шесть пуговиц спереди и тугу затянутая хлястиком сзади, являет нам образ человека зажатого, стиснутого рамками внешних и внутренних ограничений, в то время как шуба, лишенная всей этой прижимающей ткань к телу атрибутики, предназначена для сильных людей с душой нараспашку.

Еще одна персонажная «рекордка». Замена «маленького человека» на «значительное лицо» не приводит к исчезновению образа угнетенного персонажа, а позволяет перейти к другим персонажам, в данном случае к новой версии тех самых грабителей, что лишили Башмачкина шинели. Посмотрим еще раз на приведенную выше цитату: «Изредка вкусно поесть — большое удовольствие для маленьких людей» («В сочельник». 1899). Не исключено, что эпитет «маленький» подбирается автором для усиления гоголевской реминисценции. Горький словно намеренно воспроизводит устоявшееся в русской литературе понятие, которое традиционно связывают именно с «Шинелью» Гоголя.

Помимо уже обозначенных горьковских «переделок», необходимо заострить внимание на более линейных связях, в основном касающихся похитителей. Из текста «Шинели» очень трудно вывести конкретную информацию относительно внешности и количества преступников, напавших на Акакия Акакиевича, однако можно строить предположения. Например, известно, что нападавших как минимум было двое: один говорит: «А ведь шинель-то моя!» (Николай Гоголь. Шинель. 2009. С. 134), — после чего хватает жертву за воротник, а второй приставляет к лицу кулак и добавляет: «А вот только крикни!». Конечно, важной «зацепкой» будут усы, которыми, к слову, точно обладает один из горьковских воришек: «речь этого человека очень гладко лилась из его уст, полузакрытых жесткими и рыжими усами» («В сочельник». 1899). Само городское пространство, послужившее местом преступления, представлено у обоих писателей как малолюдное и наводящее ужас. У Гоголя: «Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторо-

нам: точное море вокруг него» (Николай Гоголь. Шинель. 2009. С. 134]. У Горького: «Места у нас в тех краях глухие были, пустынные, бывало, зимой после шести часов вечера на улицах — ни души! А ежели и появится какая-нибудь фигура, так уж душу свою непременно в пятках несет» («В сочельник». 1899).

Рассказ «В сочельник» определенно соотносится с «Шинелью» Гоголя. Как показывает статья О. С. Сухих и В. Н. Плющ, рассказ «О мальчике и девочке, которые не замерзли» имеет жанровые корреляции с классическим рождественским текстом Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке». По мнению исследователей, мрачной концовке Достоевского Горький предпочитает оптимистичный настрой, более свойственный рождественскому творчеству Диккенса (2022). Достоевский постоянно расширяет художественное пространство, доводя его масштаб «до космоса» [Сухих, Плющ, 2015, с. 304], в то время как Горький, напротив, стремится художественное пространство сузить. В рассказе «О мальчике и девочке, которые не замерзли» неприятие писателем традиционного святочного сюжета педалируется как в начале, так и в конце произведения. Обрамление рассказа авторской интенцией и акцентный заголовок иллюстрируют эксплицитную модель горьковской деконструкции.

Еще один важный признак святочного рассказа — это наличие нечистой силы. Дети недобрым словом вспоминают сдающую им помещение тетку Анфису: «Черта ей еще надо, ведьме?» (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894). Данную характеристику Анфиса получила за постоянное пьянство и неприятную привычку пороть своих маленьких квартиросящиков. Были бы Мишка и Катька угодившими в ловушку ведьмы Гензелем и Гретель, если бы сами не оборачивались злыми духами: «Убегли, чертеныата!», — бурчит себе под нос прогнавший попрошайек полицейский. «А чертеныата бежали и хохотали», — вторит своему герою автор. Речь самого Мишки переполнена самыми разнообразными чертыханиями: «Не видал, черт!», «Чертова кукла!», «Будет... ну те к черту!», «Черта ей еще надо» (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894).

В классическом святочном рассказе нечистая сила всегда амбивалентна: каждая пакость, учиненная встретившему ее герою, — это проверка на прочность искренности его праздничного чувства. Мишка и Катька нагло кидаются под ноги прохожим, бранятся у них за спиной, строят планы на кражу башмаков, в то же время они испытывают людские добродетели: щедрость барина и барыни, пожертвовавших детям немного денег, снисходительность полицейского, который добродушно улыба-

ется им вслед, терпеливость буфетчика. При этом нельзя не отметить, что «демонизация» детских образов не укладывается в жанровый канон.

Все вышесказанное в полной мере соотносится с сюжетом рассказа «В сочельник». «За квартиру заплатим... Получи, ведьма!» (Максим Горький. «В сочельник». 1899), — вспоминает Яшка «благочестивую» старушку, у которой герои снимают комнату в подвале. Когда инспектор спускается с нечистью в ее подземное царство, истинная роль встреченных им жуликов становится ему по-настоящему ясна: «У вас тоже гадко... Но слушайте вы, черти!». В дальнейшем монологе фраза о жене: «Привыкаешь к ней, заботишься о ней, чувствуешь к ней жалость, черт ее возьми!» частично повторяет автохарактеристику главного героя: «Я, видите ли, неудачник, черт бы меня взял...».

Как и подобает святочной нечисти, заманив несчастного в ведьмин дом, она старается обольстить его. Но инспектор проходит испытание. Только оказавшись в обществе двух откровенных негодяев, он осознает, что альтернативой наскучившей ему мертвотой семейной жизни может быть этот адский подвал. Внутреннее родство с подобными существами — вот основание его страха. Уместно здесь будет вспомнить слова другого известного горьковского героя — также жителя «загробного» мира с характерной инфернальной фамилией Сатин: «Он... подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету...» (Максим Горький. Собрание сочинений. Т. VI. 1950. С. 166).

Зафиксировав данную «игру» Горького со святочным жанром, вновь обратимся к гоголевскому интертексту. Теперь, когда становится ясно, что на образном уровне жулики тесно связаны с нечистой силой, сцена неудачной попытки ограбления еще больше становится похожа на аналогичную сцену у Гоголя. Вспомним, как, застав призрака Акакия Акакиевича, значительное лицо почувствовало «такой страх» (Николай Гоголь. Шинель. 2009. С. 144), что стало опасаться «болезненного припадка», после даже скинуло «поскорее с плеч шинель» и закричало кучеру: «Пошел во весь дух домой!». Сравним с тем, как горьковский инспектор покидает чертов подвал: надев шубу, он «с испугом посмотрел на меня большими телячьими глазами и вздрогнул, точно озяб» (Максим Горький. «В сочельник». 1899), а затем, поднявшись на улицу, крикнул: «Извозчик!...». Как видим, здесь значительное лицо оказалось чуть отважней, испугалось не сразу и одежду свою отстояло, однако, пусть и хитростью, но все же злобным духам удалось заполучить частичку инспекторской шубы — Яшка вытащил из кармана кошелек. Еще один показательный пример искажения канона — удача в финале рассказа должна ждать несчастных и невинных, а не подлых воришек.

Святочный рассказ «Извозчик» интересен по двум параметрам: появление вновь строится через непрерывное наложение чужого классического сюжета на сюжет собственный, нечистая сила предстает в более традиционном для святочного жанра виде.

Главный герой горьковского рассказа Павел Иванович услышал от извозчика об одной старой купчихе, скопившей много денег. Вооружившись утюгом, накануне праздника мужчина направляется в дом старухи, где убивает сначала ее дочь, а потом и ее саму. На украденные деньги он делает целое состояние и становится известным и уважаемым человеком в своем городе. Мучимый переживанием о том, что он убил и ничего не почувствовал, Павел Иванович решает рассказать людям о своих преступлениях. После признания, как в самом типичном святочном рассказе, все события оказываются сном.

Несложно разглядеть в данной истории отпечаток «Преступления и наказания». Сам Горький в пародийной форме также намекает на выбранный им трафарет: «Я не Раскольников, не идеалист» (Максим Горький. «Извозчик», 1895), — говорит о себе герой, когда еще только рассуждает об убийстве. «Тем топориком, которым колют сахар?» — выбирает он далее орудие преступления. Но Горький производит целый ряд «знаковых» перестановок. Так, топору Раскольникова Павел Николаевич предпочел утюг. У Достоевского сначала убивают старуху-процентщицу, а затем ее сестру, Горький заменяет сестру на дочь и меняет местами порядок смертей. Как мы помним, Раскольников так и не воспользовался награбленным. Деньги, украденные Павлом Николаевичем, принесли много материальной пользы ему и его семье. В основе идеологии Раскольникова лежал волонтизм Наполеона, идеология Павла Николаевича сопрягается со стоицизмом Протагора (подробнее о других пересечениях сказано в статье А. В. Гик «Святочный рассказ как палимпсест (Горький, Кузмин и Достоевский)»).

Если совершенные героями Горького убийства явно возникают в произведении под влиянием «Преступления и наказания», то фигура извозчика определенно списана с одного из персонажей «Братьев Карамазовых». Мы имеем в виду того таинственного незнакомца, с которым общается Иван в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича». Черт-извозчик Горького, как и черт-лакей Достоевского, появляются в качестве проекции внутреннего голоса героя. Общение Ивана Федоровича и Павла Николаевича с воображаемой нечистой силой приводит каждого к признанию совершенного им убийства. Таким образом, в признании Павла Николаевича сливаются и признание Раскольникова, и признание Карамазова.

Любопытен сам выбор Горького: почему демоном-искусителем становится именно извозчик? Интересную точку зрения высказывает А. Вдовин в статье «Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и социология популярного литературного сюжета». Как считает автор, выбор извозчика на роль искусителя отражает личную неприязнь Горького к «простому народу». Как известно, писатель был критически настроен к классу крестьян, среди которого встречались так называемые «ваньки» — крестьяне, приезжавшие со своей лошадью в город, чтобы временно подзаработать извозчиком ремеслом.

В статье Вдовина также анализируется генеалогия и морфология частотного в русской литературе XIX века сюжета об искушаемом деньгами извозчике. Традиционно в основе конфликта данного сюжета лежала ситуация «дьявольского искушения героя (как правило, неожиданным богатством) с последующим преступлением (где-то совершааемым, где-то нет)» [Вдовин, 2023, с. 112]. Автор подмечает, что, преобразовав искушаемого в искусителя, Горький «перекроил» сюжетный шаблон. С нашей стороны мы хотели бы дополнить данное умозаключение. В рассказе также сохранился и каркас традиционного варианта сюжета. Общаюсь с Павлом Николаевичем, извозчик рассказывает, как зарождался его собственный помысел об убийстве ради кражи, а уже затем прививает этот помысел собеседнику.

Возможно, ответ на вопрос о возникновении образа извозчика кроется в первом святочном тексте Горького «О мальчике и девочке, которые не замерзли». К извозчикам направляется осчастлививший детей барин в теплой шубе. В один момент Катя наблюдает, как случайный человек только что покинул теплое здание и сразу запрыгнул в повозку. Понимание того, что у нее с Мишкой нет возможности воспользоваться услугами извозчика и поскорее добраться до дома, заставляет девочку еще сильнее чувствовать уличный холод. Обратим внимание на описание внутренней обстановки кабака, куда дети приходят отметить наступивший праздник: «*В густой, дымчатой мгле сидели за столами извозчики, бояки, солдаты, между столов сновали идеально грязные половые, и все это кричало, пело, ругалось...*» (Максим Горький. «О мальчике и девочке, которые не замерзли». 1894). Среди «всего этого» также расположился и Мишка, который, «откинувшись на спинку стула, с важной миной хорошо поработавшего ломового извозчика — сосредоточенно крутил себе сигарку из махорки». Извозчик в жизни двух подрастающих преступников становится, с одной стороны, объектом для чисто внешнего подражания, с другой стороны, неким жизненным ориентиром, человеком одновременно приближенным сразу к двум мирам: бо-

сяцкому миру бедности и грязи и миру плотно набитых кошельков, иногда готовых поделиться копейкой или гривенником. В итоге дети, имеющие в основе своего образа святочного чертенка, на периферии обра-за также содержат свойства извозчика.

Не исключено, что и образ старой купчихи имеет корни не только в старухе-процентщице, но и в тетке Анфисе. Данное предположение также можно подкрепить текстологическим пересечением. Сопоставим слова Мишки: «Черта ей еще надо, ведьме?» (1894), и слова извозчика: «Накопила, дьявол» (1895). Обе героини обладают демоническими коннотациями.

Теперь перейдем от «Извозчика» к рассказу «В сочельник» (1899). Главным образом здесь придется говорить о двух семьянинах: Павле Николаевиче и податном инспекторе. Оба героя в сочельник бегут праздника. Павел Николаевич отгораживается ото всех стеной собственных мыслей, инспектор, напившись, слоняется один по городу. Вскоре каждый находит себе компанию, в диалогах с которой делятся своими переживаниями. «Ну, и отсохло у тебя сердце и все лучшие чувства с ним. И стал ты как дерево», — говорит Павлу Николаевичу извозчик. Сравним с монологом инспектора: «От привычки ко всей этой деревянной дряни — сам деревенеешь», «У меня жена ради мебели и существует, ей-богу! Она уже и сама стала деревянная...». Когда Павел Николаевич собирает гостей, чтобы признаться в убийствах, все окружающие ему неприятны: «принимал поздравления и тосты и презрительно думал о людях, собравшихся вокруг него» («Извозчик». 1995). Вот как отзывается о постояльцах своего дома податной инспектор: «это полумертвые люди» («В сочельник». 1899), «Мне с ними — невыразимо скучно, я задыхаюсь от запаха их речей...».

Для горьковских героев встреча с нечистой силой оказывается положительной, она помогает осмыслить и преодолеть свою проблему. История перевоплощения Павла Николаевича и податного инспектора во многом повторяет путь Эбенизера Скруджа из «Рождественской песни в прозе». Более очевидна данная связь в рассказе «Извозчик». Павел выполняет ту же роль, что и Скрудж, а извозчик, очевидно, ту же, что и Дух будущего Рождества.

Заключение

Подведем итог вышесказанному. Деформация канонических черт жанра рождественского рассказа происходит вместе с фрагментарным изменением как чужих, так и собственных литературных сюжетов. Каждый рассказ построен на фундаменте классического произведения.

«О мальчике и девочке, которые не замерзли» и «Извозчик» — на текстах Достоевского, «В сочельник» на «Шинели» Гоголя. Бедный ребенок из рассказа «Мальчик у Христа на елке» распадается на двух чертей-беспрizорников, призрак Акакия Акакиевича двоится на чертей-жуликов, бес из романа «Братья Карамазовы» впитывает популярный литературный сюжет об искушаемом извозчике и обретает семантику святочной нечисти.

Таким образом, святочные рассказы Максима Горького представляют собой значимый вклад в развитие жанра. Писатель внедряет интertextуальную связь и преобразует традиционные элементы в новый контекст.

Пародийный подход Горького к классическим святочным рассказам служит не только критикой устоявшихся литературных норм, но и побуждает читателя к осмыслиению современных ему этических и социальных вопросов.

Стремление автора к переосмыслинию традиций подтверждает значимость Горького как прогрессивного писателя, который, опираясь на предшествующие литературные каноны, в том числе стремился создать произведения, по-новому отражающие реалии социального неравенства.

Библиографический список

Вдовин А. Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и социология популярного литературного сюжета // Новое литературное обозрение. 2023. № 4. С. 109–122.

Гик А. В. Святочный рассказ как палимпсест (Горький, Кузмин и Достоевский) // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения писателя. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 157–165.

Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. Становление жанра. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 552 с.

Зименкова Н. И. Рождественские рассказы М. Горького в контексте жанровой традиции // Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород: Книги, 2015. С. 35–41.

Калениченко О. Н. Святочные и пасхальные рассказы М. Горького и искания начала XX века // Максим Горький и литературные исследования XX столетия. Горьковские чтения: материалы Международной конференции. Н. Новгород: Изд-во Нижегор. ун-та, 2002. 130 с.

Напцок Б.Р., Меретукова М.М. Жанровые инварианты и своеобразие поэтики рождественской прозы (на материале русской литературы XIX — нач. XX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. Вып. 2. С. 144–149.

Пузырева А. В. Спор в жанре святочного рассказа (Ф. М. Достоевский и М. Горький) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 4. С. 17–28.

Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. Вып. 2. С. 113–127.

Сухих О. С., Плющ В. Н. Святочный рассказ в художественном осмыслении Ф. М. Достоевского («Мальчик у Христа на елке») и М. Горького («О мальчике и девочке, которые не замерзли») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 109–122.

Источники

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. III. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 688 с.

Горький М. В сочельник, 1899. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/v-sochelnik.htm>

Горький М. Извозчик, 1895. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/izvozchik.htm>

Горький М. О мальчике и девочке, которые не замерзли, 1894. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/o-malchike-i-devochke.htm>

Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. VI. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. 568 с.

Диккенс Чарльз. Рождественская песнь в прозе / пер. с английского яз. Т. Озерской. СПб.: Издательство «Качели», 2022. 159 с.

References

Vdovin A. The Devilish Temptation of a Cab Driver: The Genealogy and Sociology of a Popular Literary Plot. *Novoeliteraturnoeobozrenie*=New literary review, 2023, no. 4, p. 109–122. (In Russian).

Gik A. V. A Holy story as a palimpsest (Gorky, Kuzmin and, Dostoevsky). *Materialy Mezhdunarodnojnauchno-prakticheskoykonferencii, posvyashchennoj 200-letiyu so dnyarozhdeniyapisatelya*= Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 200th anniversary of the writer's birth. Moscow, 2022, p. 157–165. (In Russian)

Dushechkina E. V. RRussian Yuletide short story. Formation of the genre, Moscow, 2023. 552 p. (In Russian)

Zimenkova N. I. Christmas stories by M. Gorky in the context of genre tradition. *Sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Nizhegorodskiy Gosudarstvennyy universitetim. N. I. Lobachevskogo* = Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, 2015, p. 35–41. (In Russian).

Kalenichenko O. N. Christmas and Easter stories by M. Gorky and the searches of the early 20th century. *Maksim Gor'kiy literaturnye iiskaniya XX stoletiya. Gor'kovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* = Maxim Gorky and the Literary Searches of the 20th Century. Gorky Readings. Proceedings of the International Conference, Nizhny Novgorod, 2002, 130 p. (In Russian).

Naptsok B. R., Meretukova M. M. Genre invariants and the uniqueness of the poetics of Christmas prose (based on Russian literature of the 19th — early 20th centuries). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Adygea State University, 2017, iss. 2, p. 144–149. (In Russian).

Puzyreva L. V. Dispute in the genre of the Christmas story (F. M. Dostoevsky and M. Gorky). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universitet* = News of Smolensk State University, 2018, no. 4, p. 17–28. (In Russian).

Starygina N. N. Yuletide short story as a genre. *Problemy istoricheskoy poetiki* = Problems of Historical Poetics, 1992, iss. 2, p. 113–127. (In Russian).

Suhih O. S., Plyushch V. N. A Christmas story in artistic comprehension of F. Dostoevsky ("The beggar boy at Christ's Christmas tree") and M. Gorky ("About a boy and girl who were not frozen"). *Vestnik Nizhegorodskogo universitetaim. N. I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 2015, no. 3, p. 109–122. (In Russian).

List of Sources

Gogol N. V. Complete Works and Letters: in 17 vols. Vol. III, Kyiv, 2009. 688 p. (In Russian)

Gor'kiy M. On Christmas Eve, 1899. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/v-sochelnik.htm>

Gor'kiy M. Cabman, 1895. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/izvozchik.htm>

Gor'kiy M. About a boy and a girl who did not freeze, 1894. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/o-malchike-i-devochke.htm>

Gor'kiy M. Collected works: In 30 vols. Vol. VI. Moscow, 1950. 568 p. (In Russian)

Dickens Charles. A Christmas Carol in Prose. Translation from English by T. Ozerskaya. Saint Petersburg, 2022. 159 p. (In Russian)